

Одинецъ.

Зима... Запушила снѣгомъ землю, намела такіе сугробы, что не пройдешь нигдѣ безъ лыжъ, каждый день дарить такими морозами, что носа на улицу не высунешь. Взглянешь утромъ на термометръ за окномъ, усмотришь почтенную цифру ниже 0° и тотчасъ отложишь попечение объ охотѣ. «Не до охоты, какъ разъ безъ носа останешься». Да и какая охота-то!? Только и утѣхи, что пойдешь потропить зайчика! Отошло золотое времячко! Окончены облавы, крѣпко заперты въ тепломъ собачникѣ лихіе Закатай, Наливай и нестомчивая Стройна, вся благородная дичь—въ теплыхъ краяхъ подъ лучами тропическаго солнышка. Грустно не одному охотнику, грустно и подружейной собакѣ. Тоскливо слоняется по всему дому кровный англичанинъ-сеттеръ Беппо; походить, походить и со вздохомъ уляжется на коверъ.

Убрано все на зиму, одно рабочее ружье оставлено, да и ему больше приходится висѣть на стѣнкѣ. Полгода самаго скучнаго бездѣйствія, самой невыносимой скуки.

Иногда зимой случается попасть въ многочисленное общество, провести вечеръ на какомъ-нибудь званомъ обѣдѣ. Живя въ маленькомъ городкѣ,—знаешь всѣхъ наперечетъ. Отыщешь среди самой разнообразной публики кружокъ охотниковъ, присоедилишься къ нему и на минуту оторвешься мыслью отъ окружающей обстановки, отъ скуки, сплетенъ и «послѣдней новости», только сегодня утромъ почерпнутой изъ шести столбцовъ «самой умной» газеты, перенесешь мысль къ старому, минувшему, пережитому, къ прошлому лѣтнему и осеннему времени.

Послушаешь рассказы о бывлыхъ охотахъ. Старые бывалые охотники любятъ поразсказать, да и есть что послушать. Особенно бываютъ интересны рассказы объ охотахъ на звѣря.

Нынче зимой мнѣ привелось услышать очень любопытный рассказъ, которымъ съ разрѣшенія лица, сообщившаго мнѣ въ мирной бесѣдѣ у камелька нижеописанный эпизодъ, я и подѣлюсь съ читателемъ. Съ авторомъ рассказа мнѣ пришлось познакомиться у пріятеля-охотника, который, представляя насъ другъ другу, не преминулъ аттестовать меня ярымъ охотникомъ, «склоннымъ грѣшить въ охотничьей прессѣ», а мнѣ успѣлъ шепнуть: «Тебѣ Дмитрій Александровичъ (имя рассказчика) много найдетъ, что разсказать».

* * *

Инженеръ Дмитрій Александровичъ * * * оказался премилымъ собесѣдникомъ, и мы цѣлый вечеръ провели въ мирной бесѣдѣ. Опытный охотникъ, медвѣжатникъ преимущественно, онъ болѣе всѣхъ родовъ охоты увлекался звѣровой охотой. Я спросилъ уважаемаго собесѣдника, какого рода звѣровую охоту онъ считаетъ наиболѣе рискованной, замѣтивъ, что, вѣроятно, наиболѣе опасная охота—на медвѣдя.

— Представьте себѣ, что отнюдь не медвѣдь самый опасный звѣрь на охотѣ,—возразилъ мнѣ Дм. Алек. — На своемъ вѣку я убилъ очень много медвѣдей. Я человѣкъ не трусливый вообще, стрѣлялъ въ молодые годы артистически. Въ Минской губерніи, гдѣ мнѣ пришлось болѣе всего охотиться, я считался лучшимъ стрѣлкомъ пульей. Дѣйствительно, всѣ медвѣди, по которымъ я стрѣлялъ, были убиты первой пульей наповаль. Долженъ оговориться, что я вообще очень крѣпкій человѣкъ, обладаю незаурядной силой и крѣпкими нервами и волненія,—лучшаго помощника къ оплошности или промаху,—я не испытывалъ.

— Неужели же вы такъ-таки ни разу волненія не испытывали?—позволилъ я себѣ усомниться.

— Если вамъ интересно, я разскажу вамъ случай, который я разсказывалъ десятки разъ, но о которомъ я и теперь, хотя прошло уже много-много лѣтъ, не могу гово-

рить безъ волненія. Вы спрашивали меня то́лько что, какого рода охота самая опасная. Отвѣчу вамъ, что самой опасной охотой, гдѣ вы дѣйствительно подвѣргаете вашу жизнь серьезной опасности, — я считаю охоту на кабана. Звѣрь этотъ силенъ необычайно, живучъ, золь и рѣдко удается повалить его съ первой пули. Раненый кабанъ — еще страшнѣе. Тогда, какъ у лося и медвѣдя, равно какъ и у оленя, убойныхъ мѣста два: въ сердце и голову, у кабана, по искреннему моему убѣжденію, убойное мѣсто одно: только сердце. Примите въ расчетъ громадный слой сала, которымъ, какъ броней, одѣтъ кабанъ, толстую его шкуру, необычайно быстрый бѣгъ, и вы поймете, насколько трудна по немъ стрѣльба. Помню, на первой же моей охотѣ по кабанамъ я чуть-чуть не заплатилъ жизнью. Вотъ объ этомъ-то, если хотите, я и расскажу вамъ.

«—Какъ я уже сказалъ, болѣе всего я охотился въ Минской губерніи. Тамъ я убилъ много медвѣдей и лосей, и познакомился съ охотой во всѣхъ ея видахъ. Но охоты на кабановъ я не видѣлъ, не взирая на самое страстное желаніе, до тѣхъ поръ, пока не познакомился съ арендаторомъ имѣнія князей * * * записнымъ охотникомъ. Имѣніе находилось въ Мозырскомъ уѣздѣ, Минской губерніи; и арендаторъ г. Б—тъ охотился тамъ, имѣя отличную стаю гончихъ, сгоненыхъ по звѣрю. Впослѣдствіи я имѣлъ отъ него пару гончихъ, Шувара и Стройну, бравшихъ и останавливавшихъ медвѣдя и лося, но первое время охотился совмѣстно съ Б—томъ изъ-подъ его собакъ.

«Имѣніе было окружено вѣковыми лѣсами, мѣстами непроходимыми по причинѣ болотъ, которыми вообще изобилуетъ Полѣсье. Въ этихъ-то лѣсахъ искони находили себѣ пріютъ и пищу стада кабановъ. Кромѣ отличной стаи гончихъ въ 4 смычка, Б—тъ имѣлъ еще артиста-окладчика, по прозвищу Вѣтеръ, передъ которымъ всѣ ваши «псковичи» являются «мальчишками и щенками». Вѣтеръ былъ знатокомъ своего дѣла, преданный охотѣ до самозабвенія. Въ лѣсу онъ дневалъ и ночевалъ, уѣздъ зналъ въ совершенствѣ. Зная мое страстное желаніе перевѣдаться съ кабаномъ, Б—тъ пригласилъ меня погостить къ себѣ, общая

устроить для меня охоту на славу. И, дѣйствительно, онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Его Вѣтеръ, шагъ за шагомъ выслѣживая стада кабановъ, наконецъ, обложилъ ихъ и явился къ намъ съ радостною вѣстью. Ъхать пришлось утомительно долго, по невозможной дорогѣ.

«Помню, какъ сейчасъ, названіе той деревни, гдѣ мы ночевали наканунѣ охоты Большіе Автюки, верстахъ въ 25-ти отъ имѣнія. Кабановъ перехватили на болотѣ, и утромъ мы должны были подѣхать къ самому ихъ становищу.

«Признаться вамъ, я тогда немножко покривилъ душою. Зная, что стрѣлковую линію будетъ разставлять самъ Вѣтеръ, какъ единственное лицо, знакомое вполнѣ съ мѣстностью, прослышавъ про него, что онъ самый искусный окладчикъ уѣзда, имѣя случай видѣть его на медвѣжьихъ облавахъ, я вечеромъ поймалъ его въ сѣняхъ той избы, гдѣ мы ночевали, и пообѣщаль ему десять рублей, если онъ поставитъ меня на лазу и дастъ мнѣ возможность сдѣлать выстрѣлъ по кабану.

«—Чи панъ стрѣлялъ уже кабана? — спросилъ меня окладчикъ вмѣсто отвѣта, — я долженъ сказать пану, що се такая подлая животина — кабанъ! Много хуже «вѣдмеда».

«—Ты за меня не бойся, — предупредилъ я, — я много стрѣлялъ медвѣдей.

«—А сколько уже панъ ихъ убилъ?

«Я назвалъ ему цифру.

«—А, ну то дѣло другое! Тогда пусть панъ не беспокоится: завтра панъ будетъ стрѣлять кабана.

«Я успокоился, вернулся въ горницу, собралъ штуцеръ, приготовилъ патронташъ съ гильзами и улегся спать.

«Утромъ насъ подняли ни свѣтъ, ни заря. Гончихъ увели впередъ люди Б—та, намъ подали телѣги и мы тронулись на охоту. Проѣзжая черезъ какую-то деревушку, у самой околицы я обратилъ вниманіе на молодого парня, атлетическаго сложенія, но на костыляхъ, просившаго милостыню. Подавая ему деньги, я, по свойственному всѣмъ любопытству, спросилъ парня о причинахъ его болѣзни. Изъ разсказа этого несчастнаго я узналъ, что онъ служилъ егеремъ у помѣщика и на кабаньей охотѣ смертельно раненый сѣ-

качь на бѣгу, желая прорваться черезъ цѣпь загонщиковъ, съ размаху налетѣлъ на парня, перерѣзалъ ему клыками мышцы обѣихъ ногъ, какъ ножомъ, въ одну секунду и сдѣлалъ несчастнаго калѣкой на всю жизнь.

«— Не ѣздите, панычку, — закончилъ бѣдняга грустное свое повѣствованіе, — никогда на кабана. Это такое животное, такое животное...

«И вмѣсто поясненія «какое это животное», бѣдняга повелъ бровью на свои искалѣченные поги.

«Согласитесь, что впечатлѣніе было потрясающее. Всю дорогу передъ глазами стояло это измученное, страдальчески-красивое лицо, съ такими покорными судьбѣ глазами. Невольно въ умѣ возникла картина страшнаго несчастія, и я самъ себѣ представлялся на мѣстѣ злополучнаго парня, изувѣченный клыками шального кабана.

«Наконецъ, пріѣхали на мѣсто. Вѣтеръ повелъ насъ по болоту, поросшему мелкимъ осинникомъ, и началъ разставлять стрѣлковую линію. Первымъ номеромъ поставили хозяина собакъ Б—та. Вторымъ, по собственному желанію, остался отличный стрѣлокъ и охотникъ Н—въ.

«Поставивъ Н—ва, Вѣтеръ многозначительно взглянулъ на меня и повелъ насъ троихъ оставшихся далѣе въглубь болота.

«— Номеръ третій! — возгласилъ онъ, прошагавъ по болоту шаговъ сто. — Кто же третій? — намѣренно громко переспросилъ онъ, кидая мнѣ новый многозначительный взглядъ.

«— Я останусь здѣсь, — сказалъ я, понявъ окладчика.

«Товарищи охотно согласились и пошли далѣе за Вѣтромъ. Снявъ съ плеча штуцеръ, я вложилъ патроны, взвелъ курки и, прислонивъ ружье около себя къ дереву, оглядѣлся. Прямо передо мною было нескончаемое зыбкое болото, мѣстами съ водяной поверхностью, мѣстами кочковатое. Слева тянулся мелкій осинникъ, сзади былъ крупный лѣсъ. Направо тянулся тотъ же осинникъ. Я стоялъ близъ болота, на сухомъ мѣстѣ, имѣя въ двухъ-трехъ шагахъ отъ себя полѣнницу готовыхъ къ вывозкѣ дровъ. Вспомнился мнѣ несчастный парень, искалѣченный кабаномъ, вспомнился

вопросъ Вѣтра, стрѣлялъ ли я кабана въ своей жизни. Знаете, какъ-то неловко стало, не то, чтобы я боялся, а такъ, какое-то сомнѣніе разобрало.

«Не думая долго, я попробовалъ полѣнницу, убѣдился, что она крѣпко сложена, и взгромоздился на нее. Съ своей теперешней позиціи я видѣлъ очень хорошо все вокругъ, находился аршина на два надъ землею, а, опершись спиною о дерево, — средней толщины осинку, у которой была сложена полѣнница, — я держался очень крѣпко на ногахъ. Едва я укрѣпился на своей новой позиціи, какъ зазвучалъ въ островѣ рогъ, раздалось хлопанье доѣзжачаго и его призывъ гончихъ, и вслѣдъ за этими первыми звуками, нарушившими тишину лѣса, въ островѣ варомъ-заварили гончія и поднялся чистый, я вамъ доложу, Содомъ и Гоморра! Собаки сразу нарвались на кабановъ, одна собака повела по зрячему, къ ней подвалили всѣ остальные и пошла потѣха! Стою я на своей полѣнницѣ, держу ружье на-готовѣ, а стая ключомъ кипитъ—и басы, и тенора, и сопрано выжловокъ могучимъ аккордомъ такое «fortissimo» выдѣлываютъ, что небу жарко становится. Ближе, ближе! Можно уже разобрать отдѣльные голоса гончихъ. Вонъ баситъ Водило, какъ зарѣзанная взвизгиваетъ какая-то выжловка. Надо мной, какъ полоумный, просвистѣлъ крыльями вспугнутый глухарище, бѣлякъ пропрыгалъ у самой полѣнницы. Слѣва у Н—ва стукнулъ выстрѣлъ. Гулко такъ прокатился по лѣсу. Еще жарче наддали гончія. Вслѣдъ за гуломъ выстрѣла сосѣда, вижу влѣво отъ себя громаднаго кабана, во весь духъ скачущаго по осиннику, шагахъ въ 40 — 45 отъ меня. Вскидываю штуцеръ, ловлю звѣря подъ лопатку. Нѣтъ возможности выцѣлить: не звѣрь, а молнія какая-то! Наконецъ, въ просвѣтѣ между двумя осинками ловлю звѣря на прицѣлъ, веду его на мушкѣ и по мѣсту, подъ лопатку, даю ему пулю. Кабанъ сразу сунулся передними ногами въ землю и покатился на бокъ. Не помня себя отъ счастья, соскакиваю однимъ прыжкомъ съ полѣнницы, совершенно забывъ, что гонъ еще не кончился, что могутъ быть другіе кабаны, что сосѣди стоятъ еще на мѣстахъ, больше по привычкѣ, чѣмъ изъ предосторожности, перемѣняю на ходу

стрѣлянный патронъ на заряженный и иду къ затихшему и убитому, повидимому, кабану.

«Но не успѣлъ я ступить и двухъ шаговъ по проклятому болоту, какъ провалился по поясъ въ ледяную воду. Провалился я такъ, что поясъ съ патронташемъ и кинжаломъ оказался подъ водою, а я началъ погружаться въ болото и только тогда нащупалъ подъ ногами болѣе или менѣе твердую почву, когда ушелъ въ воду по грудь.

«Проваливаясь, я, однако, штуцера изъ рукъ не выронилъ и теперь, стоя въ водѣ, холодной до судорогъ въ нижнихъ конечностяхъ, не имѣя вокругъ ни сучка, ни деревца, ухватившись за которое я могъ бы выкарабкаться изъ трясины, я все же не спускалъ глазъ съ туши кабана.

«Представьте же себѣ мой ужасъ, мое отчаяніе, когда я увидѣлъ, что кабанъ дышитъ, что онъ не убитъ на-поваль! Повертываюсь кое-какъ въ водѣ поудобнѣе, выцѣливаю лежащую тушу и посылаю въ кабана вторую пулю. Кабанъ яростно хрюкаетъ, шатаясь поднимается на ноги и, злобно сопя, устремляется на меня!

«Я не слышу уже ни гона, ни выстрѣловъ товарищей, — а ихъ, оказывается, было много, — не кричу, не зову на помощь, я только смотрю на приближающуюся смерть въ образѣ этого разъяренного одиноца, который вотъ-вотъ вспоретъ мнѣ лицо и грудь своими страшными клыками, какъ вспоролъ бедра и ноги тому парню, котораго я видѣлъ сегодня утромъ искалѣченнымъ, несчастнымъ на всю жизнь!

«А кабанъ, хотя и медленно, но приближается, часто останавливаясь, припадая на землю, изнемогая, видимо, отъ раны; я вижу уже, какъ струится черная полоска крови по его правому боку. Въ головѣ у меня вихремъ проносится мысль: «зарядить вновь ружье нельзя, патронташъ подъ водой, конечно, патроны никуда въ немъ не годятся уже, у меня есть одна пуля. А что будетъ, если я его съ этой послѣдней пули не уложу на мѣсто!?»

«Я собираю всѣ силы, стараюсь выцѣлить еще разъ, — послѣдній разъ, — звѣря. «Подъ лопатку!» Нельзя. Звѣрь идетъ грудью на меня! Въ голову! Но это не смертельное мѣсто!

«Не доходя до меня шаговъ шесть, кабанъ вдругъ подпрыгиваетъ, падаетъ на бокъ и недвижимой массой остается лежать шагахъ въ шести отъ меня. Ко мнѣ возвращается голосъ! Я дико кричу, слѣва гопнули въ отвѣтъ; слышу, бѣгутъ, вижу, наконецъ, бѣгущихъ Вѣтра и Н—ва. Кое-какъ съ помощью жерди и ружей извлекли меня изъ болота, влили въ меня чарку коньяку, усадили въ телѣгу и отправили сушиться въ деревню. Дорогой отъ возницы я узналъ, что кромѣ моего сѣкача, въ загонѣ было убито три свиньи.

«До деревни было верстъ десять. Ъхали мы по ужасной дорогѣ, начало подмораживать, такъ что, когда въѣхали въ деревню и подѣхали къ мѣсту нашего ночлега, я уже не могъ выйти изъ телѣги. Мокрое платье замерзло на мнѣ коломъ, сапоги нестерпимо давили иззябшія ноги и зубъ на зубъ не попадалъ отъ холода. Плохо бы окончилась для меня моя первая охота на кабана, если бы не энергичныя мѣры, принятыя Б—томъ. Когда меня на рукахъ подняли изъ телѣги и поставили на землю, я тотчасъ упалъ. Перепуганные люди хотѣли нести меня прямо въ теплую избу, но Б—тъ вступился и, не взирая на мою брань и сопротивленіе, велѣлъ здѣсь же на улицѣ своимъ людямъ раздѣвать меня. Меня лишили совершенно одежды, при чемъ процедура стаскиванья сапогъ вызвала нестерпимыя боли, и я со стономъ опрокинулся на спину. Кое-какъ оттерли меня полотенцами, смоченными холодной водой, возбудили во всемъ тѣлѣ кровообращеніе и только послѣ этого внесли меня въ избу и, какъ мертвое тѣло, свалили на жарко натопленную русскую печь. Тамъ я скоро отошелъ въ теплѣ, разогрѣлся, распарился чаемъ съ ромомъ и къ обѣду уже самостоятельно слѣзъ съ печки и сѣлъ къ общему столу.

«Тутъ только я узналъ, что кабанъ мой былъ смертельно раненъ первой пулей, что вторая пуля попала ему въ спину, отъ чего онъ и вскочилъ на ноги. Не сойдя съ номера, кабанъ издохъ бы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ свалился отъ первой пули.

«Вѣсилъ онъ 18 пудовъ.

«Тогда и здоровье было не такое,—заклучилъ Д. А.,—

тогда мнѣ ледяная ванна сошла безнаказанно съ плечъ. На слѣдующій же день я дуплетомъ убилъ двухъ свиней. А теперь я заплатился бы жизнью за десятиминутное сидѣнье въ ледяной водѣ. Что прикажете дѣлать:

„Старость подходить шагами неровными,
Тише и тише аккорды печальные...“

«Такъ, кажется, у Апухтина періодъ, въ который я теперь вступаю, охарактеризованъ!?»

«А тогда все было «трынь-трава». Послѣ невольной ванны моей, мы продолжали охоту 13 дней, на протяженіи 30-ти верстъ по тому же Мозырскому уѣзду. За эти дни нами на 5 ружей было убито: 1 медвѣдь, вѣсомъ въ 9 пудовъ, 5 одинцовъ, 23 свиньи, 3 лося и четвертый лось былъ убитъ въ угонъ егеремъ. Этотъ лось прорвался черезъ загонъ, ушелъ отъ собакъ назадъ, на стрѣлковъ выгнанъ быть не могъ, а потому и былъ убитъ окладчикомъ за линіей.

«На одной изъ этихъ охотъ, мой сосѣдъ по номеру, на приснопамятной охотѣ съ приключеніями и моимъ невольнымъ купаньемъ,—Н—въ,—стрѣлокъ замѣчательный,—«дуплетомъ» изъ берданки убилъ пару волковъ: одного повалилъ съ первой пули, успѣлъ перезарядить и за линіей въ угонъ убилъ второго».

Д. А. закончилъ свой рассказъ.

Насъ пригласили къ ужину, послѣ котораго я уже не имѣлъ возможности продолжать бесѣду со старымъ охотникомъ.

Въ тотъ вечеръ я ушелъ домой, очень довольный проведеннымъ вечеромъ и мастерскимъ рассказомъ, который довелось услышать, сожальѣя только втайнѣ, что лично еще не удалось и врядъ ли удастся побывать мнѣ на такихъ охотахъ, на которыхъ бывалъ этотъ старый, истинный охотникъ.

Царское село,
17 ноября 1903 г.

А. Тюльпановъ.